

РОЛЬ НИЩЕГО: 100

ЧЕЛОВЕК НА МЕСТО

2.7.99.

В театральный Захарова взяли по блату

Однажды в Театральный институт им. Луначарского пришло письмо следующего содержания: "Дорогой товарищ Луначарский, я мечтаю быть артистом и поступить во вверенное вам учебное заведение. Вышлите мне условия, согласно которым...". Нарком просвещения тов. Луначарский ничего не ответил, поскольку давным-давно помер, но письмо вошло в историю как образец незамутненного сознания будущего артиста. И доказательство того, что интеллект ему так же ни к чему, как божью пенсне. Впрочем, говорят, в последнее время облик абитуриента, штурмующего театральные вузы, очень изменился.

Кто сегодня поступает в артисты, зачем и каким образом — наблюдал обозреватель "МК" в Российской академии театрального искусства (бывший ГИТИС). Здесь Марк Захаров наблюдает актерско-режиссерский курс. Шел третий, заключительный тур...

Читайте 7-ю страницу.

Захаров Марк

Моей камер-модель - 1999-2 июня - с. 1, 7.

РОЛЬ НИЩЕГО: 100

ЧЕЛОВЕК НА МЕСТО

СПРАВКА: В ГИТИС в этом году на актерский факультет пытаются поступить 800 человек и 500 — на режиссерский. В результате всех туров и конкурсных отборов на актерский возьмут 15, а на режиссерский — 5. На место претендует от 50 до 100 человек. Причем, как утверждают в ректорате, последние 10 лет эти цифры не менялись.

— Посмотри: Захаров ржет или не ржет? — шепчет раскрасневшаяся девушка рядом. В маленьком зале духотища, и единственное открытое окно не спасает.

— Он спокоен как удав! — ответила ей, и все сосредоточилось на реакции мастера.

Мастер же был непроницаем и восседал по центру длинного стола, как патриции в коллизе, среди ассистентов и режиссеров Ахрамковой, Махаева, Шамирова, Самгина.

— Ну, прочитайте что-нибудь из прозы, — просят Захаров.

— Из прозы? — как слабослышащая, переспрашивает рыжая испуганная абитуриентка, которая то тучесывается, то поддерживает штаны.

— Можно басню...

— Басню? — глухота окончательно парализует ее.

Но не все от волнения впадают в коматоз. Обратная сторона стрессовой ситуации — возбуждение. Вот, например, одна кричит в лицо Захарову:

— Возьмите меня, возьмите!!! — на самом деле это отрывок из "Записок сумасшедшего". А кажется, что девушка в белом вот-вот задушит председателя приемной комиссии. И вот что интересно: дальнейшие события покажут, что непроницаемого и подчеркнутого дистанционного Захарова легко разжалобить, взять измором или пристулом.

Высокие, низкорослые, крепкие, толстые, очень толстые, нелепые и смешные, сексапильные

— все хотят быть артистами. Зачем?! Профессия — нищая. Кроме того что зависима. Рабочих мест в репертуарных театрах — кот наплакал. Попасть в звездную касту — невозможно. Тогда почему все только и рвутся ломать комедию и изображать из себя по Чехову, как "люди едят, пьют, любят, ходят, носят свои пиджаки"?.. На этот вопрос русскому человеку так же трудно ответить, как на тот, "почему люди не летают, как птицы?". Очевидно, страсть представляться — это наше национальное.

— Вы отдаете себе отчет, что театр не кормит? — спрашиваю я Галию Джаксибарову, которая решила заняться совсем не женским делом — режиссурой.

— Да мы и сейчас небогатые. Нам не привыкать. Мне приходилось даже торговать. А что сейчас денежно?..

Вопрос по существу. В том смысле, что существо из Ташкента Джаксибарова по своему первому образованию — философ. Философское отношение к жизни помогает ей легче переносить лишения. А вот обладательница демонической внешности Ксения Караева, рвущаяся не в режиссеры, а в артистки, не торговала, а пробавлялась... милостыней. Прикидываться побирушкой — что может быть лучше для актерского тренинга!

— И тебе подавали?

— Я хитро просила. Я одевала лучшую одежду, высматривала в толпе какого-нибудь богатого грузина и бросалась к нему: "У вас не будет пяти руб-

лей?" А люди так устроены: если ты выглядишь как нищая, тебе не подадут. А если в модном прикиде — как будто французскую сумочку с кошечком забыла, — то выложат еще и больше. Дело случая...

Вот, кстати, о том самом счастливом случае в актерской жизни, который все считают легендой, способном перевернуть судьбу. Что и происходит на экзамене у Захарова. Ксению Караеву из Донецка срезали на втором туре. Тогда она напросилась в отрывки, которые делали будущие режиссеры. Участвовала в шести. И что бы вы думали? Комиссия, которая "зарубила" абитуриентку на турах, обратила-таки на нее внимание. Подружки по несчастью обзавидовались.

— Везет Ксеньке: Захаров заметил!

В результате Караеву пропустили на третий тур. Она вышла к комиссии с лицом, на котором недвусмысленно читалось, что в случае чего возьмет ее измором. Захаров говорит ей, мол, спасибо, до-вольно. А она: "Давайте я вам спою".

— Спасибо, мы все поняли.

— Нет, я вам станцюю!

— Садитесь, нам все ясно.

— Ну можно, я еще почитаю... Ну пожалуйста... Ну я вас очень прошу... Ну послушайте меня...

В общем, для одних ГИТИС сейчас дом, где разбиваются сердца. Для других — где воля закаляется как сталь. Гамлет со своими рефлексиями — "Быть или не быть?" — отдыхает...

— Представьте, что перед вами река, а на другом берегу стоит человек, который должен услышать и записать для потомков то, что вы сейчас прочли, — ставит задачу Марк Захаров перед блондинкой в черном, которая почему-то томно читает Пастернака. Блондинка, внушившая себе, что она голубая героиня, вдруг как зорет:

— Нас мало! Юных, окрыленных, не задыхнувшихся в пыли!..

А Захаров невозмутимо потребует увеличить градус крика — "для потомков на том берегу". Девушка уже не кричит, а бьется в истерику, носится по сцене, как всполошенная курица. В крике она куда интереснее, чем в банальной истоме... Таким об-

разом достается из абитуриента самое драгоценное для сцены — индивидуальность. А это — посильнее длинных ног, кругогрудости и кругобедности.

— Марк Анатольевич, признайтесь честно: вы смотрите на будущих актрис сначала как мужчина или как режиссер?

— Первый импульс — все же внешность. Вопрос роста, фактуры для меня в последние годы стал важнее. Но вспомним Инну Чурикову как пример уникальной индивидуальности, которая затмевает любые "бесконечные" ноги...

Короче, если ты такой шупленький, невзрачный, то должен быть как Михаил Чехов. Или утешаться тем, что физические особенности развития мужчин непредсказуемы. Марк Анатольевич поведал, что когда в "Ленком" поступал Александр Лазарев-младший, то он был ниже среднего роста, о чем режиссер пожалел. Но через какое-то время артист прибавил в росте — и из массовки перебрался на героические роли.

Я спросила Марка Захарова: взял бы он на свой курс такого абитуриента, как он сам? И тут выяснились новые обстоятельства его биографии.

— Я себя образца 51-го года ни за что бы не взял — что, между прочим, и сделали во МХАТе, где мне объяснили, что и на первый тур приходиться не надо. А в ГИТИСе были менее строгие критерии. Я даже подозреваю, что поступить мне помогла ма-тушка, которая вместе училась с моим будущим педагогом Григорием Конским.

— Выходит, Марк Анатольевич, что вы поступили по блату?

— Допускаю такую мысль. Но думаю, что какая-то слабая надежда у педагогов на меня была, иначе бы меня не взяли.

Да, в противном случае отечественный театр понес бы невосполнимую утрату...

— Если о будущих актерах еще что-то можно по-нять, — продолжает Марк Анатольевич, — то в отношении режиссеров — полная тьма. Это то же самое, что взять на учебу поэта. Только чтобы он не стихи свои читал, а рассказал, как ему видится поэзия...

На вступительных экзаменах режиссеры рас-сказывали, как они видят Чехова и Шекспира сегодня. В основном предпочитали делать отрывки в духе времени: о продаже недвижимости — "Вишневого сада". Вишневых садов на сцене высадили буквально леса, но прижились — единично. В том числе и бывшего философа Галии Джаксибаровой, не похожей ни на философа, ни на режиссера, который всем своим внешним видом внушает обществу, что "нужны новые формы".

На сцену вышла толстуха — эдокая Фрося Бурлакова, прочитала стихи Барто и фальшиво спела "Очаровательные глаза". Зал полел, как деревья в ураган. Ее сменила девушка с гитарой, которую, в свою очередь, заменил рыжий здоровяк с медвежьими ухватками, почему-то назвавший баснописца Крылова Иваном Сергеевичем. Как Тургенева. Интер-есная блондинка с фамилией Орел высоким голо-сом вывела: "Ты меня на рассвете разбудить..." — и за любовь к репертуару "Ленкома" Захаров пообещал ее принять в артистки.

Все смеялись. А когда объявили результаты третьего тура — многие зарыдали. Незакаленные театральной борьбой начали бросаться к членам приемной комиссии чуть ли не в ноги.

— Да я сама, когда меня в "Щепку" не взяли, на Коршунове висла — нельзя было отдрать, — хладнокровно затыгиваясь сигаретой, сказала Караева. Похоже, что четыре года поступления сделали из нее бойца.

На самом деле поступить в артисты — не значит стать им. Как мне сообщила проректор ГИТИСа Марина Хмельницкая, не все выдерживают дистанцию первого курса:

— Через год в среднем мы отчисляем по 5—6 человек. Более того, те, на кого возлагаются надежды вначале, к выпуску их не оправдывают. И наоборот: выдвигаются те, кто выглядел скромно и не бросался в глаза.

В общем, пути актерские, как и божьи, неисповедимы.

— Я помню, как одна моя сокурсница буквально валялась в ногах у Гончарова, когда ее отчислили, — рассказывает Татьяна Ахрамкова. — Она кричала, что покончит с собой, что без театра сдохнет, как собака... И вдруг через год я встречаю ее в церкви. Она полна благолепия, в платочке. И никакого театрального прошлого!

Впрочем, те, кто сейчас тусуется во дворике ГИТИСа, о прошлом не помышляют. Посыпаемые тополиным пухом, они, как дядя Ваня с дурнушкой Соней, надеются увидеть "небо в алмазах". Равно как сыграть и дядю Ваню, и Соню, и Нину Заречную на подмостках...

Марина РАЙКИНА. Фото Михаила КОВАЛЕВА.